

Теория и исследования

Проблемы развития и бытия личности

Валерия Мухина

ЭВОЛЮЦИЯ ЛИЧНОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕХАНИЗМОВ РАЗВИТИЯ И БЫТИЯ*

МЕХАНИЗМ ОБОСОБЛЕНИЯ: ОТ ОТЧУЖДЕНИЯ К САМОСТОЯНИЮ ЛИЧНОСТИ

К самоопределению принадлежит момент
внутренней, а не внешней негативности,
что выражено в самом слове «самоопределение».

Г. В. Ф. Гегель

1 – Происхождение механизма обособления

Обособление
у животных

Элементарное бессознательное обособление мы можем наблюдать в любом сообществе стадных (стайных) животных. При том что эти животные объединены в стадо (стаю), внутри этого объединения они действуют обособленно: каждый стремится занять более высокое иерархическое место, каждый устремлен к пище и биологическому комфорту для себя. Такое естественное, природное обособление каждого отдельного животного в стаде (стае) создает предпосылки к выживанию каждого представителя вида.

Наблюдая в юности взаимоотношения низших и высших обезьян, я поражаюсь легкости перехода от

* Продолжение. Начало: Развитие личности. 2007. № 2. С. 8–31.

идентификационных отношений (подражание друг другу в играх, во времяпровождении — во взаимных услугах, в эмоциональных реакциях на разнообразные звуковые сигналы и позы) к отношениям обособления. Едва кто-либо из сородичей более низкого иерархического ранга произвольно (или нарочито) вторгается в индивидуальное пространство особи, как та тут же угрожающе раскрывает рот, показывая зубы, кричит и демонстрирует агрессивные позы и жесты, при этом шерсть поднимается дыбом. Следующий миг порождает реальное нападение, если противная сторона поспешно не ретируется. Мирное состояние быстро восстанавливается, но готовность к молниеносному нападению продолжает присутствовать в поведении. Готовность к агрессии (как одной из форм обособления) постоянно присутствует в социальных отношениях обезьян.

Злоба —
одно из проявлений
отчуждения

Приматы, будучи весьма возбудимыми созданиями, проявляют агрессию самыми разнообразными способами, например: агрессивными позами и злобными выпадами.

Злоба — это не что иное как чувство недоброжелательства, враждебности по отношению к тому, на кого это чувство направлено. Злоба — одно из проявлений отчуждения. Н.Н. Ладыгина-Котс многократно описывала злобные проявления у шимпанзе и ребенка. «У ребенка человека, как и у дитяти шимпанзе, эмоции страха зачастую вызывают и реакцию злобы, то как бы в виде протеста за пережитое неприятное чувство, то в форме самообороны, то мести» [1].

Злоба как чувство отчуждения проявляется в угрозах: «Мы наблюдаем много сходства у дитяти человека и шимпанзе и в отношении агрессивной жестикуляции при процессе пугания... само стремление пугать свойственно ребенку человека не менее, чем дитяти шимпанзе» [2].

Обособление
у животных —
механизм стадных,
стайных отношений

Среди приматов можно наблюдать обособление каждого животного в большом числе разнообразных социальных ситуаций. Животное, поедающее лакомство, отворачивается от остальных, чтобы другие не отняли у него еду. Вожак отнимает у членов стада все, что мало-мальски привлекает его внимание. Особая форма обособления — агрессия. Животное в этом состоянии сигнализирует остальным, что оно небезопасно. Реакция агрессии чаще всего является реализацией потребности в обособлении, в индивидуальном пространстве и недопущении других в пределы этого пространства.

Реакции, сигнализирующие о стремлении животного к обособлению, проявляются через позы, действия, звуки. Животное в какие-то моменты своей индивидуальной жизни может обособиться от членов стада. Мы можем наблюдать и стадное обособление от животных других видов или чужих своего вида. В этот момент все животные стада объединяются в своем общем стремлении к изгнанию пришельца-врага или сами покидают незванного пришельца.

Таким образом, в животном мире мы находим биологические предпосылки к обособлению, которое будет разворачиваться в истории как феноменологическая сущность человека.

Межродовое обособление у человека: «мы» и «они»

В период предистории человеческого общества обособление играло весьма значительную роль. Родовой индивид был погружен только в поле родовой идентификации. «Мы» — реально существующая, малая по численности, первобытная родовая общность, в которой прежде всего развивался механизм идентификации. Всякие другие — «они». Род стремился обособиться от «они», так как последние несли в себе опасность разрушения рода. В отношении рода со всеми «они» всякий раз обособление приобретало форму отчуждения, выражаемого в агрессии. По существу, первоначально это было близкое к животному отчуждение.

Антропосоциогенез, как об этом мы уже говорили выше, проходил под определяющим влиянием труда и связанным с ним общением. Социальные отношения людей по поводу развивающегося труда объединяли их в идентификационных действиях и требовали появления рефлексированного обособления, необходимого для следования за развивающимися родовыми законами (табу), для успешного овладения орудиями труда и всей остальной родовой культурой.

Табу отчуждало родового человека от самого себя и осуществляло социальный контроль

В самом деле, чтобы освобождающийся от биологических форм поведения человеческий род смог сохраниться в этом мире, необходимо было создать равные по неукоснительности природным стимульным поведенческим формам законы. Такими законами стали родовые *табу*.

Сызмальства подрастающее поколение идентифицировали с родом. Определяющее значение в этой родовой идентификации имело табу. Нарушивший табу автоматически отчуждался от рода. Если соблюдение родовых правил обеспечивало индивиду родовую идентификацию, кооперацию во всех ее видах (разделение крова, пищи, защиту от чужих и др.), то нарушение

этих правил отторгало индивида как чужого. Он изгонялся, он переставал быть своим. Нередко род уничтожал отступника, демонстрируя определенный максимализм. Так, через крайние формы отчуждения у индивидов формировалось понимание необходимости родового долга и одновременно осуществлялся контроль.

Управление родом принадлежащими к нему индивидами (каждый «как все») имело непреходящее значение: именно это обеспечивало выживание небольших по численности групп людей в экстремальных условиях, в которых человек (отнюдь еще не *sapiens*) должен был противостоять бесконечно огромному тогда миру.

Социальное бытие рода, особенно трудовая деятельность, требовали не только воспроизводства родового опыта, но и каких-то нововведений. Распределение труда, разделение родовых функций нуждалось в большей индивидуализации людей.

Появление имени собственного обособляло человека от родового «мы»

Очевидно, на этом этапе родового развития человека появляется некий прообраз имени — индивидуальный знак родового человека. Этот знак присваивался каждому индивиду не по одним и тем же законам. Синкретическое мышление не могло сразу породить системы имянаречения. Одни индивиды получали прозвища за свои родовые деяния (подвиги на охоте, создание улучшенного орудия и пр.), другие — по ассоциациям, связанным с рождением, с каким-либо событием, запечатленным в сознании рода, и т. д. Как бы то ни было, индивидуальный знак уже выделял человека из его родового «мы», индивидуализировал, обособлял.

Получив имя, родовый человек получал и точку отсчета своих поступков и деяний. Это было начало социального разрешения на индивидуализацию, на обособление.

Однако табу требовало неукоснительного следования его предписаниям. За каждым следил не только его род, но и более могущественный, чем человек, *тотем*. Тотем в представлении родового сообщества — праотец этого рода. Тотемом могли быть неодушевленный предмет или животное, реже — явление природы. Каждый род носил имя своего тотема.

Родовое сознание порождало нормативность и создавало социального контролера — тотем. Нарушение табу отдельным индивидом требовало сиюминутной расправы с ним рода.

Табу держало род в готовности к противостоянию всему враждебному. Это — жесткая обязанность, первожденное в сознании человека «надо!», которое обес-

Нововведения в родовую систему требовали от человека силы к обособлению

печивало выживание отдельного индивида и всего рода. Табу формировало волю человека и дисциплинировало его по законам социального бытия. Но табу, создавая обязанности и права рода, не выделяло индивида.

Труд, как мы знаем, начал индивидуализировать человека в социальном отношении. Наиболее способные создавали не только улучшенные орудия, не только превосходили других в трудовой деятельности, но и ощущали необходимость улучшения социальной системы рода. Если успехи в первых деяниях были очевидны (например, появлялось больше добычи в результате использования улучшенного орудия), то новаторство в социальной области воспринималось как отступничество. Тот родовой индивид, который, несмотря на ожидаемую кару, стремился к нововведениям в социальном плане, был поистине не только новатором, но и подлинным революционером, прообразом личностного начала в человеке. Сколько их было, безымянных теперь «родовых отступников», которые были в действительности предтечами, перволичностями...

Для того чтобы родовой человек предпринял попытку ввести новаторские идеи в родовую социальную систему, он должен был не только породить эту идею, но и найти в себе силы обособиться от родовых табу, тотема и самого рода. И это обособление было уже качественно новым по сравнению с отчужденной агрессией к чужому племени.

Отрицания человеком рода, общности

В то же время развивалась еще одна особенность в человеческом обществе: появлялась способность к *скрытности*, что противопоставляло человека его общности. Общность становилась в той или иной мере *чуждой для отдельного ее члена*.

Ложь и зависть как отчуждение от других

О человеке в новых обстоятельствах писал Б.Ф. Поршнев: «Чем более видит в ней чуждую среду, тем интенсивнее его внутренние усилия к *скрытности, хитрости, обману окружающих*... Если доверие и правдивость составляют простейший остов общности, то скрытность и *лживость* отвечают сложности ее структуры, означают отрицание индивидом общности» [3]. Здесь же Б.Ф. Поршнев заключил: «Обобщая, можно сказать: и неправда как *ложь*, и неправда как *умолчание* относятся к миру человеческих отношений и в генезе представляют собой выражения обособления индивида в некоторой общности» [4] (курсив мой. — В. М.).

Помимо умолчания, хитрости и обмана, человек обретал еще и *зависть*. Зависть — ненависть к ближнему за его преимущество перед собой, как об этом уже я го-

ворила выше, ссылаясь на Ч. Дарвина. Развитию способности к обособлению от группы сопутствовали негативные образования, которые в последующем человечеству предстояло изнурительно преодолевать в каждом новом поколении и в каждом отдельном, проходящем возрастную социализацию — инициацию, человеку, начиная с первых лет онтогенеза.

2 – Отношения обособления матери и ребенка

Мать творит свое дитя через идентификацию и обособление

Идентификационные отношения матери с ребенком организуют у него социальные потребности в положительных эмоциях, притязание на признание и чувство доверия к людям. Через механизм идентификации, как мы уже об этом говорили, осуществляется присвоение из социума всех достижений человечества: высших психических функций, ценностных ориентаций и др.

Идентификация — механизм уподобления. Однако мать хочет творить свое дитя как индивидуальность. Поэтому, наряду с развитием своего малыша через уподобление человеку вообще, выступая как *посредник* между социальным бытием человечества и психическим бытием своего ребенка, мать творит также и его способность к обособлению, ибо эта способность завершает создание полноценного человека как личности.

Мать называет свое дитя по имени сразу же после его рождения. Это обращение по имени входит в бессознательную сферу младенца вместе с положительными эмоциями матери. Здесь идентификационные механизмы работают на бессознательном уровне. Однако младенец, погруженный в поле материнской идентификации, которая обеспечивает его социальное дозревание, скоро прекращает свое инфантильное существование в пределах материнской любовной идентификации. Мать сама организует ситуации, которые учат ребенка необходимому для его нормального развития обособлению. Она говорит: «Сам сделай!», «Сам мой ручки!», «Сам ешь!», «Сам оденься!» и т. д. Это «сам» — социальное доверие, социальная необходимость, которой добивается мать с надеждой и уверенностью в состоятельности своего дитяти.

Обособление ребенка – условие развития его как личности

И малыш награждает мать и всех близких, когда заявляет: «Петя — сам!», «Я — сам!», «Я хочу!», «Я не хочу!», «Я буду!», «Я не буду!» и многое другое.

Обособление ребенка — предпосылка к развитию его как личности. Обособляясь, он сам берет на себя свои притязания. И неважно, что вначале его ожидают неудачи, — он начинает формировать свою собственную

Переживания идентификации и обособления определяют самоощущения ребенка

внутреннюю позицию, учится обособлению и отстаиванию права на самостояние.

Присваиваемые механизмы идентификации и обособления определяют самоощущение ребенка, ощущение им других людей и взаимодействуют с этими же механизмами в процессе его социальных контактов с другими. С первых лет ребенок начинает развиваться как личность — он учится отстаивать свою волю и свои уже присвоенные представления о том, как должно поступать в опознаваемых ситуациях. Но это детская личность.

Негативные проявления отчуждения

Однако помимо позитивного развития способности к обособлению, содействующей развитию личности, в детстве ребенку присущи типичные для этапов возраста проявления выраженного отчуждения. Речь идет о *негативизме, упрямстве, агрессии* в раннем возрасте, следствием которых становится *непроизвольное обособление*. Названные негативные проявления могут быть результатом врожденных особенностей нервной системы или результатом плохого воспитания. Агрессивные или холодные родители могут стать примером для непроизвольного подражания — *идентификация* с родителями *может проходить по отчужденному образцу* их типичного состояния и поведения. Доминирование отчужденного типа состояния и поведения может стать типом личности.

Отчуждение развивает эмоциональную сферу

Отчужденные отношения взрослого могут быть двух видов: *непосредственные* — спонтанно проявляемые, и *специально отработанные* — представляющие в общении с детьми прием воздействия с воспитательными целями. Обособление как прием может выражаться в строгом предупреждающем взгляде, в интонации голоса, в содержании объясняющей речи, а также в дисциплинарном наказании.

Отношения отчуждения взрослого с ребенком и ребенка со взрослым в цивилизованной, культурной форме способствуют эмоциональной и культурной причастности малыша к человеческому роду. Реально механизм обособления на социальном уровне начинает прививаться через присвоение ребенком поведения другого человека путем подражания. То, как отстаивает взрослый человек свои позиции в мире людей, как он демонстрирует готовность к обособлению, может стать образцом для поведения ребенка в сложной для него ситуации, требующей от него обособления для отстаивания своих ценностей.

Развитие личности через контекст ее обособления начиная с детского возраста описывали представители

философии экзистенциализма. Так, Ж.-П. Сартр в своей автобиографической повести «Слова» показал развитие личности ребенка через его обособление от других людей.

В детстве маленький Пулу постоянно чувствовал, что он *отверженный*: дети не играли с ним, и он занимался тем, что «вел двойную жизнь, в равной мере фальшивую». Ж.-П. Сартр писал: «...на людях я был пацем — пресловутый внук знаменитого Шарля Швейцера; наедине с собой я погрязал в воображаемых обидах. Мнимую славу я уравнивал с мнимой безвестностью... моим реальным „я“ могло навсегда остаться чередование обманов» [5]. Отчуждение человека от других и от самого себя — одна из значимых тем Ж.-П. Сартра: «В тридцать лет я с успехом проделал лихой фокус: описал в „Тошноте“ — и, поверьте мне, совершенно искренне — горечь бесцельного, неоправданного существования себе подобных, как будто я сам тут ни при чем... Позднее я весело объяснял, что человеку невозможно быть собой: я тоже не мог быть собой...» [6]. Отчуждение человека от самого себя — угроза, которая нависает над каждым в современном мире.

Обособление
как состояние

Особое место занимает обособление как *состояние*, которое приводит к чувству *одиночества*. Здесь важно указать на то, что многие дети испытывают чувство одиночества, переживая разлуку с матерью как ее прямое отчуждение. Это отдельная проблема психологии, требующая специального рассмотрения.

По мере созревания психики ребенка развивается его способность к произвольному обособлению. Оно проявляется в разнообразных социальных реакциях, например в виде *избегания* прямого обсуждения, в виде инфантильного физического убегания или демонстрации готовности к агрессивному выпадку. В то же время произвольное обособление по-новому содействует эффективному развитию личности, способной отстаивать свое право на собственное мнение, на самостоятельный выбор и др.

Обособление обучает продуктивному взаимодействию с другими

Произвольное обособление дает возможность ребенку обучаться продуктивному взаимодействию с людьми.

Благодаря развивающейся способности обособления на бессознательном (непроизвольном) и сознательном (произвольном) уровнях ребенок развивает способность к самостоятельному *выбору* своей позиции и *способностью к ее отстаиванию* перед противодействующими другими. Произвольное обособление дает возмож-

Отношения обособления опосредуются матерью

ность ребенку обучаться продуктивному взаимодействию с людьми при отстаивании своих позиций.

Во всех ситуациях в младенчестве и раннем детстве отношения обособления ребенка с миром опосредуются прежде всего его матерью. Позже на стиль его обособления начинают влиять отец, другие близкие, а еще позже — сверстники, кумиры и другие значимые люди. Ребенок постепенно становится современником своей эпохи через обособление от «врагов», противостоящих его референтной группе, или через обособление от другого, противостоящего его «Я».

3 – Обособление как механизм развития и бытия личности

Обособление как универсальный феномен

В философии и психологии XX столетия понятия «обособление», «отчуждение», «чуждость» вошли в обиход научной мысли в поисках значений, презентующих состояния и позицию личности по отношению к миру, к другому и к самой себе.

Проблема отчуждения имеет свои исторические предтечи, рожденные в философии классиков.

Еще Г. В. Ф. Гегель, а вслед за ним К. Маркс обратились к идее отчуждения человека. Гегель указывал на «отчуждение от всеобщей жизни» [7].

Обсуждая сущность европейского гражданского общества, Г. В. Ф. Гегель дал характеристику современному ему общества, где «каждый для себя — цель, все другие суть для него ничто» [8]. Эти наблюдения являются актуальными для оценки многих представителей человечества и в XXI столетии.

Г. В. Ф. Гегель размышлял о том, что субъект «остается замкнутым в некоторой обособленности чувств самого себя» и, как следствие этой обособленности в развитии рассудочном сознании возникает «самость, чувство самого себя». Философ ввел понятие «*осуществленная самость*» [9], которая представляет собой «*формальную всеобщность*» [10] и «*для-себя-бытие самости*» [11].

Обособление как механизм, утверждающий достоверность самого себя

Проблема отчуждения — одна из центральных в философии Г. В. Ф. Гегеля. Отчуждение для Г. В. Ф. Гегеля — это проблема объективации абсолютного духа в природе и истории, связанная с деятельностным отношением субъекта к объекту; это специфическая проблема общества; это проблема личных обстоятельств человеческой жизни. В «Философии духа» обсуждалась проблема духа как «достоверность самого себя» [12], как «самосознание» [13], отчуждение от всеобщей жиз-

ни, когда «*между моей чувствующей природной жизненностью и моим опосредованным, рассудочным сознанием возникает разрыв*» [14].

К. Маркс анализировал отчуждение человека в условиях наемного труда — «отчужденного от самого себя труда, которому созданное им богатство противостоит как чужое богатство...» [15]. Человек становится объектом производственного процесса, а отчужденная вещь, капитал, получает самостоятельное активное существование. Происходит субъективирование вещей, которое К. Маркс показал в учении о фетишизме. К. Маркс вскрыл тенденции превращения капитала в отчужденную вещь, «в такую вещь, которая содержит в себе, проглотила в себя общественное отношение, — в вещь, обладающую фиктивной жизнью и самостоятельностью, вступающую в отношение с самой собой, в чувственно-сверхчувственное существо» [16].

Обособление как бытие человека

М. Хайдеггер с одобрением относился к идеям своих предшественников через аспект исторических процессов: «То, что Маркс в сущностном и весомом смысле опознал вслед за Гегелем как отчуждение человека, уходит своими корнями в бездомность новоевропейского человека. Последняя вызвана судьбой бытия в образе метафизики, упрочена этой последней и одновременно ею в качестве бездомности скрыта. Поскольку Маркс, осмысливая отчуждение, проникает в сущностное измерение истории, постольку марксистский взгляд на историю превосходит другие исторические теории» [17]. Как и К. Маркс, М. Хайдеггер изучал феноменологическую сущность вещи и отчужденность ее вещественности в человеческом сознании.

М. Хайдеггер указывал на феноменологию, которая строится вне учета исторического процесса: «Поскольку, наоборот, ни Гуссерль, ни, насколько я пока вижу, Сартр не признает сущности исторического аспекта в бытии, постольку ни феноменология, ни экзистенциализм не достигают того измерения, внутри которого впервые оказывается возможным продуктивный диалог с марксизмом» [18]. Безусловно, соглашаясь с оценкой значения исторического подхода к проблеме отчуждения как социально-исторического явления, хочу, однако, указать на право изучения проблемы отчуждения и через аспекты психологии, социологии, теории творчества и других отраслей знаний, заинтересованных в познании феномена человека.

«Человек обречен быть свободным»

Особенное место заняла проблема отчуждения в философии экзистенциализма.

Экзистенциализм рассматривал отчуждение как растворение отдельного человека под влиянием социальных ожиданий, как потерю человеком своей уникальной сущности. Согласно экзистенциализму, «человек обречен быть свободным». Ж.-П. Сартр придерживался мнения, что свобода — такое бремя, которое должен нести человек, поскольку он личность. Человек может отказаться от своей свободы, перестать быть самим собой, стать «как все». При этом человек осуществляет отчуждение — отказ от себя как личности.

Каждый сводится до уровня единицы, «среднего» человека. Отчуждение от себя приводит к неподлинности, к одиночеству. Человек, отчужденный от себя, разделяет эту отчужденность с другими. Отчужденность приводит к скованности ума и обособлению личности от самой себя.

Человек разделяет свою отчужденность с другими людьми

А. Камю указывал: «Первое движение ума, скованного отчужденностью, заключается в том, что он разделяет эту отчужденность со всеми людьми, и в том, что человеческая реальность страдает в своей целостности от обособленности, отчужденности по отношению к самой себе и к миру...» [19]. Экзистенциализм упрекает мыслителей прежних времен в том, что они всегда изобретали способы отчуждать человека от самого себя: «Сократ, Иисус, Декарт, Гегель, все пророки и философы только и делали, что изобретали новые способы отчуждать то, что я есть то самое “Я”» [20]...

«Коллективный грех отчуждения»

А. Камю указывал также на действия толпы, пролетариата как на «коллективный грех отчуждения» [21]. При этом А. Камю делал попытку классифицировать источники отчуждения (религиозный, экономический и др.) [22]. Он полагал, что тотальное отрицание, как и окончательное утверждение, есть абсурд.

Отдельно следует указать на отношение к обособлению Ф. Ницше, особенно ценившему одиночество, и позицию, которую он провозглашал однозначно: «Не путайте меня с другими!»

«Не смешивайте меня с другими!»

Ф. Ницше задавался вопросом: «Кто я?» Он утверждал, что ответ он давал многократно: «...Я не раз “свидетельствовал о себе”...»

Я живу на свой собственный кредит, и, быть может, то, что я живу, — один предрассудок?.. Мне достаточно только поговорить с каким-нибудь “культурным” человеком, проведшим лето в Верхнем Энгардине, чтобы убедиться, что я не живу... При этих условиях возникает обязанность, против которой в сущности возмущается моя обычная сдержанность и еще больше гордость

моих инстинктов, именно обязанность сказать: *Выслушайте меня! Ибо я такой-то и такой-то. Прежде всего не смешивайте меня с другими!*» [23].

Ф. Ницше неустанно повторял: «Но мне нужно *одиночество*, я хочу сказать исцеление, возвращение к себе, дыхание свободного, легкого, играющего воздуха...» [24].

Ф. Ницше пытался объяснить себе «почему я так мудр» и «почему я так умен». Он писал о том, что сам взял себя в руки: «Я перестал быть пессимистом в годы моей наименьшей витальности: инстинкт самовосстановления *воспретил* мне философию нищеты и уныния...» [25]. Он описал *себя*, и это было ему во благо.

Согласно Ф. Ницше, который навсегда стал связанным с Заратустрой, «смерть Бога» привела к встрече Заратустры с неизвестным богом неожиданного облика: то враждебного Заратустре, то принимающего вид самого Заратустры.

В 1863 или 1864 году Ф. Ницше писал в стихотворении «Неведомому богу»:

Познать Тебя, Неуследимый,
Непостижимый и Загадочный,
Потусторонний, Дальний, Рядошный,
Неведомый и мой Родимый!
Познать, дабы служить Тебе! [26].

Эти слова были посвящены Неведомому богу. Но эти слова можно посвятить идолу, которому мы поклоняемся в себе. Этот идол — в своем особом качестве. «Личность» подчас предстает перед нами как ясный и близкий фетиш, но подчас личность как наша феноменологическая сущность вдруг ускользает от нас.

В свою очередь Н. А. Бердяев, называя свой мир «миром объективации», выделил его признаки: 1 — отчужденность; 2 — поглощенность неповторимого-индивидуальным, личного — общим, безличного — универсальным; 3 — господство необходимости, детерминации извне, подавление свободы; 4 — приспособление среднего человека к массивности мира и истории; 5 — социализация, уничтожающая оригинальность [27].

Он писал: «Я принадлежу к тому типу людей и к той небольшой части поколения конца XIX и начала XX века, в которой достиг необычайной остроты и напряженности конфликт личности, неповторимой индивидуальности с общим и родовым» [28]. Эта тема — основная в философии Н. А. Бердяева. Он писал: «Я соглашался признать себя лишь гражданином царства свободы. В этом я не своевременный человек. Я принужден

«Личность» подчас предстает перед нами как ясный и близкий фетиш

Конфликт личности: нежелание стать частью чего бы то ни было

жить в эпоху, в которой торжествует сила, враждебная пафосу личности, ненавидящая индивидуальность, желающая подчинить человека безраздельной власти *общего*, коллективной реальности, государству, нации» [29]. Далее он писал о том, что «никогда не мог примириться с родовым мирозерцанием... никогда не соглашался сделаться частью чего бы то ни было» [30]. В то же время философ стремился не к отчуждению, «не к изоляции своей личности, не к ее замыканию в себе и не к самоутверждению, а к размыканию в универсум, к наполнению универсальным содержанием, к общению со всем. Я хотел быть микрокосмом, каким и является человек по своей идее» [31].

Многие люди не согласны, чтобы их ценность и ценность другого существующего определялись порядком общего

Н.А. Бердяев делал *акцент на чувстве личности, на пафосе личности*. Поэтому-то он выпадал из экстерриоризированного для него «общего», притязавшего быть общеобязательным законом. Он писал: «Иерархическое чувство связано с чувством принадлежности к какому-то целому, в котором каждый занимает свое особое место, соподчиненное другому. Это все та же идея мирового порядка и мировой гармонии, за которыми признается примат над личностью. Но я не согласен, чтобы моя ценность и ценность другого существующего определялась порядком целого, общего» [32]. Это принципиальная позиция Н.А. Бердяева: он упорно ищет путь отстаивания человеком своей личности перед необходимостью (чувством) принадлежности к целому, к месту в иерархии.

Н.А. Бердяев размышлял вместе с тем и о своих субъективных переживаниях, о чуждости ему мира. Он писал: «Я уже не раз говорил о мучительной чуждости мне мира, этого мира в этом его состоянии. Эта чуждость всегда вызывала во мне жуткое чувство тоски, сопровождающей большую часть моей жизни» [33]. Далее он рассуждал о чуждости в реальной действительности: «В смерти, в убийстве, в ненависти есть предел чуждости. Зло может быть очень свойственно человеку, но в зле есть чуждость... Зло есть самоотчужденность человека. Все религии стремились к преодолению чуждости. Мир неокончательно мне чужд только потому, что есть Бог» [34].

Обсуждая отчуждение во всех его проявлениях, философы при этом указывали на негативные переживания последствий всех видов обособления.

Переживание качеств, раскрывающих бытие

Экзистенциальные философы неизбежно приходили к переживанию «качеств, раскрывающих бытие» [35], говорили о чувствах, объективирующих и трансцендирующих отношения.

Переживание мучительной чуждости мира

Так, Ж.-П. Сартр писал о качестве «липкое» и о его символическом значении в рассмотрении проекции человека. «Липкое» может оцениваться (и восприниматься) как *отталкивающее* и как *не отталкивающее* [36]. Здесь подспудно речь идет о потенциальной готовности к обособлению, как и в случае, когда Ж.-П. Сартр писал о *тошноте*. Так особый тип аффективного восприятия обособляет человека от того, что он воспринимает, и «это восприятие становится особым типом *тошноты*». Эти же состояния восприятия и отчуждения Ж.-П. Сартр описывал в романе «Тошнота», где он указывал на отчужденное «огромное бессмысленное бытие» [37].

Н.А. Бердяев, переживая не только философски («Я... искатель истины и правды, бунтарь, экзистенциальный философ» [38]), но и личностно, человеческой своей сутью «мучительную чуждость мира», пишет о сопутствующем ему *жгучем чувстве тоски*: «Чуждость вызывает не страх, а тоску».

Поиск правды о сущности человеческого бытия, о феноменологии личности приводит исследователей этой основополагающей проблемы к сложным рефлексиям, которые подчас вовлекают их в тяжелые переживания.

Овладение обособлением – начало развития личности

Я вчувствуюсь в эти рефлексии и тяжелые состояния. Могу сказать: «Я тебя понимаю». Однако по отношению к феномену обособления в моем сознании сформировалась иная позиция. Для меня *овладение обособлением — начало на пути развития и бытия личности*.

В онтогенезе личности овладение обособлением как способностью выделиться из общего, осознать свою собственную нерасторжимую целостность и индивидуальность ведет к формированию механизмов социального поведения, развития и бытия личности.

Обособление — прежде всего механизм установления с другим человеком отношений на социально приемлемых началах, дающих возможность общающимся сохранять свою индивидуальность, чувство собственного достоинства и тем самым реализовывать свои притязания на признание.

Обособление как потребность человека

Обособление — естественная потребность человека, помещенного в положение *скученности*, в положение задавленного насильственным присутствием других «Я». Напряжение от неизбежного насилия от присутствия других ищет выход в обособлении.

Обособление как техника профессионального общения

Обособление в качестве техники профессионального общения ложится в основу стиля воздействия: взрослого — на детей; лидера — на членов группы и т. д.

Крайняя степень обособления — отчуждение — может иметь место и в демократическом стиле общения как способ выражения негативного отношения к тому или иному происшествию (поступку) или асоциальному суждению. Отчуждение в авторитарном стиле хотя и организует дисциплину в группе, но оно непродуктивно в плане как субъективного самочувствия членов группы, так и развития каждой личности. Отчужденный стиль воспитателя рождает или аналогичный, идентифицирующийся с ним агрессивный тип личности, или тревожную и робкую личность.

Обособление как феномен социогенеза личности

Обособление как феномен социогенеза личности, как механизм, определяющий бытие личности, имеет двойное воздействие на развивающегося индивида. С одной стороны, обособление возлагает на личность индивидуальную ответственность за себя. С другой стороны, обособление может привести к отчуждению как социальной холодности.

В условиях разумного воспитания социальное развитие человека идет в направлении обретения личностных качеств, обеспечивающих успешное существование индивида в группе и группы в целом. Если идентификация обеспечивает усвоение конвенциональных ролей, норм, правил поведения в обществе, то обособление позволяет присваивать «внешнее через внутреннее». Именно обособление индивидуализирует присвоение ценностных ориентаций и мотивы человека.

Обособление определяет индивидуальное развитие человека как личности

И хотя каждый индивид присваивает структуру самосознания через идентификационные механизмы, обособление определяет индивидуальное развитие каждого звена этой структуры.

Я уже писала выше по поводу влияния идентификации на развитие личности, здесь я считаю правильным сказать, что и в отношении обособления личность рождается дважды.

Первое рождение личности

Первое рождение личности — присвоение структуры самосознания — происходит не только через механизм идентификации. Присвоенные звенья структуры самосознания наполняются индивидуально окрашенным содержанием и закрепляются в сознании и чувствах человека благодаря его способности к обособлению. Конечно, и сама идентификация избирательна: внешние воздействия всегда опосредуются внутренним содержанием, позицией личности. Но способность к обособлению — это прежде всего позитивная способность к удержанию, защите, сохранению индивидуального. Поэтому-то так категорично звучит инфантильная форму-

Второе рождение личности

ла структуры самосознания: «Я — Петя — хороший — мальчик — был, есть, буду — должен — имею право».

Второе рождение личности, как мы это знаем, связано с формированием мировоззрения. Активная воля, организованная мировоззрением в социальном проявлении индивида, есть *самостоятельность*. И хотя этой самостоятельности личность учится постоянно через примеры значимых лиц, с которыми она идентифицируется, через идентификацию с идеальными образами, творимыми собственными усилиями, самостоятельность непременно требует способности к обособлению. Через обособление осуществляется укрепление и отстаивание мировоззрения человека.

Механизм обособления действует на эмоциональном и когнитивном уровнях. При взаимодействии с другими личность с высокой культурой социального общения «сохраняет свое лицо» на эмоциональном и на рациональном уровнях. В крайних случаях депривации личности (ее ценностной сферы, например) естественная форма обособленности заменяется отчуждением. Если отчуждение возникает на бессознательном уровне и это влечет за собой агрессию, аффективность, то это вредит личности. Если же на этом эмоциональном фоне личность в состоянии управлять своими эмоциями и демонстрировать отчуждение на рациональном уровне, то можно говорить об эмоционально устойчивой личности.

Обособление – механизм охраны и защиты индивидуальных свойств

Обособление, имея происхождение из природно обусловленных форм агрессивного отчуждения внутри вида, развивается затем как социально-исторический обусловленный механизм охраны и защиты присущих человеку и переживаемых как индивидуальные свойства. Обособление развивается также как способ сознательной регуляции развития и поведения конкретного человека как личности.

Я полагаю, что обособление прежде всего обеспечивает защиту индивидуально присущих человеку его личностных свойств, которые он усвоил через присвоение конвенциональных ролей, норм, правил поведения. Кроме того, обособление содействует развитию таких позитивных качеств, как *самостояние* и *защита своих мировоззренческих позиций*.

Обособление, имея происхождение из глубин эволюции, развивается затем как социально-исторически обусловленный механизм обособления и отчуждения. Обособление развивается также и как способ сознательной регуляции развития и бытия конкретного человека как личности.

В качестве механизма индивидуализации человека как личности обособление определяет внутреннюю позицию самого человека, его ценностные ориентации на себя как на социальную единицу и уникальную личность, способную к самоконтролю и к пониманию себя как свободной личности.

**Нерасторжимые противоположности:
взаимодействие идентификации и обособления**

Если на первых порах я сочла правомерным рассматривать идентификацию и обособление раздельно друг от друга, то это не была дань традиционному анализу этих механизмов каждого самого по себе — в философии, психологии и других заинтересованных отраслях знаний. Я должна была презентировать каждый из этих феноменов — идентификацию и обособление — в отдельной их ипостаси, в отдельных, присущих только им свойствах.

Идентификация и обособление реально взаимодействуют друг с другом

В том контексте, в каком я рассматриваю идентификацию и обособление, эти механизмы не разделены: они взаимодействуют друг с другом, как две нерасторжимые противоположности. Причем их нельзя сравнивать с днем и ночью или с другими явлениями природы, подлежащими воздействию законов цикличности. Их нельзя сравнивать с добром и злом.

Мы говорим о несовместимости света и тьмы, высокого и низкого.

«Что общего у света с тьмою?

Какое согласие между Христом и Велиаром?* Или какое соучастие верного с неверным?» (2 Кор. 6:14—16).

Однако когда мы говорим об идентификации и обособлении, то здесь совсем другая шкала измерения — каждый из этих механизмов дает свои плюсы и свои минусы.

Идентификация и обособление в своих взаимодействиях и взаимозависимости могли бы подлежать измерению особого прибора, если бы этот прибор показывал позитивную продуктивность или негативный провал, стоящие за тем или иным проявлением как идентификации, так и обособления.

Идентификация и обособление – парный механизм развития и бытия личности

В этой части работы я рассматриваю идентификацию-обособление как *парный механизм* развития и бытия личности. Механизм, который имеет как позитивные, так и негативные стороны во всем диапазоне идентификации и обособления.

* Велиар, или Велиал, – «ужасный», «подлый»; имя, употребляемое в Новом Завете для обозначения Сатаны.

В то же время я глубоко заинтересована в том, чтобы показать, что идентификация-обособление могут на высшем уровне своего развития предстать перед нами в очаровании своего воздействия на человека в своих полетных, высших проявлениях в процессе создания художественных образов, в философствовании и в научных достижениях, а также в процессе их воздействия на человека как читателя, зрителя, слушателя и др. Идентификация-обособление, действующие во внутреннем плане личности, — те мощные факторы, которые определяют интенсивность психических процессов, качество самого творчества и высшие человеческие чувства.

ДИАЛЕКТИКА ПАРНОГО МЕХАНИЗМА И РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ

Возлюбленный! Не подражай злу, но добру.

3 Ин. 1:11

Ты отверзаешь очи Твои...

Иов. 14:3

Кошелек или жизнь?

*Вопрос разбойников на больших дорогах
и Жака Лакана на его лекциях*

1 – Предыстория понимания единства идентификации и обособления

Социальное развитие человека, его взаимодействие с обществом в науке понимается неоднозначно — это обусловлено исходными философскими позициями и направлениями мышления в психологии и других сопряженных с ней областях знаний.

В истории философии и психологии понятия «идентификация» и «отчуждение» обычно не рядопологали

Целый ряд направлений рассматривал так называемую социализацию человека как насилие над его истинной природой. При этом исследователи для объяснения проблем личности прибегали к понятиям «идентификация» и «отчуждение», но по существу их обычно не рядопологали.

Частный контекст понятий «идентификация» и «обособление» многих теорий личности

Так, согласно психоаналитической концепции, социальное развитие ребенка осуществляется через его *идентификацию* с родителем того же пола, что и ребенок, и, как следствие, с моральными требованиями общества. При этом взрослый для ребенка — абсолютный авторитет; ребенок ощущает свою неполноценность в сравнении с ним и оттого постоянно тревожен. Кроме того, согласно З. Фрейду, социальному развитию ребен-

ка способствует идея Бога, с которым он также идентифицируется. Идентификация приводит к тому, что «дикий запуганный ребенок становится социальным, нравственным и поддающимся воспитанию» [39]. В других контекстах З. Фрейд использовал и понятие «отчуждение», однако оно всегда далеко отстояло от понятия «идентификация».

Идеи З. Фрейда были развиты или переосмыслены в работах К. Юнга, А. Адлера, Э. Фромма, а также М. Клейн, А. Фрейд, К. Хорни и др. Каждый из этих ученых презентировал в своих исследованиях понятия «идентификация» и «отчуждение», но у каждого из них эти понятия имели, во-первых, частный контекст и, во-вторых, не сопрягались друг с другом как взаимосвязанные и взаимообусловленные.

Контекст одновременной идентификации с двумя существующими «Я»

Так, К. Хорни, изучая неврозы, возникающие в процессе развития личности, показывала, как формируется невротическая внутренняя структура личности. На вопрос «*Кто я?*» невротик не может дать ответа: у «Я» проявляются различные, противоположные переживания, которые неизбежно конфликтуют. Согласно К. Хорни, «невротик идентифицирует себя *в целом* и со своим высшим гордым Я, и со своим презренным Я <...> идентификация *в целом* с одним или другим Я влечет за собой не только противоположные способы поведения, но и противоположные группы ценностей, противоположные влечения и противоположные виды удовлетворения».

Если эти два способа переживания Я действуют одновременно, он должен чувствовать себя так, будто два человека тянут его в противоположных направлениях. И в этом действительно суть идентификации *в целом* с двумя существующими Я. Это не просто конфликт, а конфликт, достаточно сильный, чтобы разрывать его на части» [40]. Эти глубоко значимые для понимания невроза мысли об особенностях идентификации никоим образом не сопрягаются с мыслью о том, что идентификация с одним образом «Я» приводит к напряжению и тревоге от неизбежного обособления от другого образа, и наоборот. К. Хорни говорила об одновременной идентификации с двумя противоположными образами «Я». Замечу, что понятие «идентификация» у К. Хорни не выступает как универсальный феномен, как универсальный механизм.

Отчуждение при неврозе

В то же время К. Хорни использовала понятие «отчуждение». Это понятие значимо для автора при обсуждении проблемы невроза, сопряженного с развитием личности.

К. Хорни указывала на важность реального «Я»: «Реальное Я... является живым, уникальным, личным центром нас самих; единственная часть нас, которая может и хочет развиваться. Мы видели, что неблагоприятные условия мешают беспрепятственному развитию реального Я... В отличие от невротика, мы... обладаем ясным видением важности реального Я» [41]. Согласно К. Хорни, невротик придает забвению реальное «Я»: «В понятия договора с дьяволом забвению Я соответствует продажа души. В психиатрических понятиях мы называем это «отчуждением от себя»» [42]. Невротическая гордость отодвигает невротика еще дальше от самого себя: «делаются *активные шаги против* реального Я, что выражено в ненависти к себе» [43]. Личные переживания пациента утрачивают для него личное значение: «Его *отношение к себе стало безличным*, как и его отношение ко всей жизни» [44]. При этом отчуждение от себя имеет разные выражения: оно может быть временным состоянием, оно может быть «у людей, как-либо отделенных от себя» [45] и др.

Проблеме идентификации и отчуждения К. Хорни, как и ее предшественники, уделяла достаточно много внимания. Но всегда речь шла, во-первых, о локальных проявлениях идентификации и отчуждения человека, особенно невротиков, и, во-вторых, понятия «идентификация» и «отчуждение» никогда не сопоставлялись и не были сопряжены в текстах исследования.

Я не встречала целостной картины соединенности идентификации и обособления

Эту же картину я наблюдала всякий раз, когда обращалась ко многим трудам психоаналитиков, — я не встречала целостной концепции идентификации и обособления как единого связанных механизмов развития и бытия человека. Психоанализ исследовал прежде всего невротические проявления личности и в этом контексте использовал понятия идентификации (прежде всего) и отчуждения в качестве объяснительного принципа частных проявлений того, что происходит с невротиком.

Отчуждение в контексте: «субъект и Другой»

В этих же традициях рассматривали идентификацию и отчуждение Ж. Лакан и его последователи. В работах Ж. Лакана так много объяснений личности невротика и этапов развития человека в процессе онтогенеза через идентификацию, что, сочтя это общим местом концепции, опушу подробное изложение.

Ж. Лакан специально обращался и к обсуждению отчуждения, когда анализировал проблему «субъект и Другой». Он отделял и противопоставлял друг другу «по отношению ко входу в бессознательное... два поля — поле субъекта и поле большого Другого» [46].

Отчуждение в контексте значений слов: «или» всегда отчуждает

Далее Ж. Лакан обращался к «операции так называемого отчуждения».

Отчуждение... оно сегодня повсюду. Что бы мы ни делали, отчуждение между нами все возрастает — это касается и экономики, и политики, и психологии, и эстетики, да чего угодно. Не худо поэтому найти его, отчуждения этого, корни» [47].

Важность изучения отчуждения Ж. Лакан находил не только во внешней сфере человеческого бытия, но и в языке: «Важность того, что я сейчас вам сказал, трудно переоценить. Отчуждение *или*, о котором я говорю, — это не произвольное изобретение или, как говорится, взгляд на вещи. Оно налицо в языке. Это *или* — он существует. Его присутствие в языке настолько несомненно, что и лингвистам не худо бы им заняться» [48].

Далее Ж. Лакан анализировал сказанное на весьма выразительных примерах взаимно исключаютелые словосочетания, находящиеся в отношениях равноправия, где во главе угла встает это удивительное слово — разделительный союз «или». Он выносил на обсуждение такие взаимные исключения, как «Кошелек *или* жизнь?», «Свобода *или* смерть?», «Свобода *или* жизнь?».

Ж. Лакан писал: «Кошелек или жизнь! Если я выберу кошелек, я потеряю и то, и другое. Если я выберу жизнь — что за жизнь без кошелька?..

Законное обоснование этому отчуждающему употреблению *vel* я обнаружил у Гегеля. О чем у него идет речь? Чтобы долго на этом не задерживаться, скажу сразу: речь идет о порождении первого отчуждения, того самого, что приводит человека к порабощению» [49].

«Или» среди прочих своих значений в русском языке употребляется при сопоставлении чего-либо с чем-либо, по значению *исключающих или заменяющих друга друга* условий и признаков. «Или» указывает на необходимость выбора между «тем» и «этим». Обычно в живой речи «или» ставится перед каждым сопоставляемым объектом суждения для усиления выразительности предлагаемого условия.

Значение исключения одного из двух предлагаемых в качестве выбора есть весьма жесткое выражение отчуждения от человека, которому предлагается сделать этот максималистичный выбор, есть по существу весьма жесткое выражение агрессии, лишение человека свободы вариативности своего поведения.

В каждом достаточно развитом языке есть эти удивительные слова, за которыми стоят значения мягкой идентификации и жесткого отчуждения.

В каждом развитом языке есть значения идентификации и отчуждения

Идентификация и обособление в контексте жизненного цикла

Глубокий ученый Ж. Лакан имел свои научные предвзятости, свой научный интерес совсем в ином измерении, нежели это случилось со мной. Идентификация и обособление как единый механизм развития и бытия личности — так уж случилось — это мой личный вопрос в научном постижении личности.

Нельзя не обратиться к Э. Эриксону, который принуждает меня это сделать в связи с тем, что он исследовал идентичность [50]. Э. Эриксон рассматривал: жизненный цикл как эпигенез идентичности, спутанность идентичности, кризис идентичности. Все это как некий компонент развития и как обретения невротических составляющих личности. Знаменательна в то же время мысль Э. Эриксона о том, что проблема идентичности сопутствует человеку на всех этапах возраста: «Человек как творение психосоциальное к концу своей жизни неизбежно оказывается перед лицом новой редакции кризиса идентичности, которую мы можем зафиксировать в словах “Я есть то, что меня переживает”» [51]. В то же время Э. Эриксон спутанность идентичности понимал как отчуждение. Согласно его мнению, это объясняется тем, что «неспособность многих молодых людей найти свое место в жизни базируется на предшествующих сильных сомнениях в своей этнической или сексуальной идентичности, или ролевой спутанности, соединяющейся с застарелым чувством безнадежности» [52]. В результате неуверенности в своей идентичности юноша со своими собственными внутренними ресурсами не может вступать в действительно интимные отношения с другими людьми. «Он приходит к глубокому *чувству изоляции*» [53]. Он теряет способность «укреплять и защищать границы своей территории интимности и общности» [54].

По существу, и Э. Эриксон использовал понятия «идентификация» и «отчуждение» при рассмотрении этапов развития человека. Особенно полно и развернуто в продолжение предшественникам он рассматривал идентичность. Отчуждение возникает как предмет обсуждения прежде всего через контекст потери идентичности.

В истории психологии можно наблюдать недопонимание значения идентификации

В том же направлении позднее развивал свою концепцию Т. Харрис. Согласно Т. Харрису, ребенок живет с ощущением тревоги, которое складывается у него из общения со взрослым. На основании таких отрицательных ощущений он заявляет: «Я не благополучный» («I am not OK»). Детская закомплексованность весьма прочно записывается в мозгу. Чувство неполно-

ценности, которое проявляется у взрослого, — это последствия того, что он испытывал, когда был ребенком [55]. Т. Харрис, полагая, что развитие ребенка — это развитие его идентификации с взрослым, в то же время касался и проблемы отчужденности людей друг от друга.

В трактовке социального развития в русле психоаналитического направления идентификация по существу рассматривалась как катализатор спонтанных взаимоотношений взрослого и ребенка, вырабатывающий у последнего негативную позицию по отношению к взрослому и комплекс неполноценности. Такое понимание является лишь частным случаем идентификации при неблагоприятном развитии ребенка. Здесь кроется история недопонимания полного объема значения идентификации.

Развитие цивилизации как процесс отчуждения от влечений человека

Следует обратить особое внимание на то, что развитие самой цивилизации, в трактовке З. Фрейда, его последователей и современников, предстает как процесс отчуждения от непосредственных жизненных влечений человека, а культура — как нечто чуждое и враждебное его естественным устремлениям [56].

В теориях западных авторов в связи с идеей развития человека в процессе его социализации широко используется понятие *отчуждение*. Оно переливается из философии Ф. Ницше, из феноменологии М. Хайдеггера, из идей Ж.-П. Сартра и др. в современную зарубежную психиатрию, социологию и социальную психологию.

Для М. Хайдеггера отчуждение — это способ бытия в условиях общности, это обезличивание человека в отчужденных общественных нормах поведения, когда каждый уподобляется каждому [57]. Преодоление отчуждения может произойти лишь в результате освобождения от социальных нужд и контроля. Эта идея берет свое начало еще от Ф. Ницше, утверждавшего: «Необходимо уничтожить мораль, чтобы освободить жизнь» [58].

Э. Эриксон исследовал особенности идентичности в детстве, отрочестве, юности вплоть до старости через кризис идентичности, который выражается в отчуждении, спутанности идентичности [59].

Э. Эриксон специально рассматривал потребности во «взаимно разделенной идентичности», указывая на то, что неспособность разделить истинную интимность приводит к типичному отчуждению, проявляемому в изоляции [60].

Многие понимают «отчуждение» как исключительно негативный фактор

Хочу обратить внимание на то обстоятельство, что представители указанных направлений наполняют понятие «отчуждение» исключительно отрицательным содержанием, настаивая на том, что отчуждение возникает в результате социального развития как нечто, сковывающее свободу личности, ее потребности и достоинство.

Если посмотреть на проблему социального развития с иной точки зрения, то оно представляется в более оптимистическом свете. По существу, понятия идентификации и обособления (отчуждения) в том виде, в каком они представлены в указанных выше направлениях, отражают противопоставление интересов личности и общества. В определенном видении это так. Но это так лишь отчасти.

Человек социализируется и индивидуализируется через идентификацию и обособление

Исследователи, которые видят в отчуждении только негатив, ошибаются. Они не считают с тем, что человек не может развиваться вне общества: он социализируется (присваивает) и индивидуализируется через идентификацию и обособление.

Исследователи, которые видят в идентификации только позитив, тоже ошибаются. Заимствуя образцы поведения и психической активности, человек рискует потерять свое «Я» (может стать конформистом, например). Искаженная идентификация с собой — нарциссизм. И много другого негатива стоит за доминирующей способностью к идентификации.

Я полагаю, что идентификация и обособление — феномены, представляющие уникальное свойство человека.

Личность присваивает свои сущностные черты через идентификацию и индивидуализирует себя через обособление. Я настаиваю на этом положении как натуралист, как психолог и как живой рефлексирующий человек. Нельзя не согласиться с классиками: человек есть в самом буквальном смысле общественное животное, не только животное, которому свойственно общение, но и животное, которое только в обществе и может обособляться.

Человек только в обществе может отождествляться и обособляться

Однако мое видение шире: *человек как общественное животное только в обществе может не только обособляться, но и отождествляться.*

Социальное развитие человека идет в направлении совершенствования личностных качеств, обеспечивающих возможность успешного существования и развития личности в группе и вместе с тем в направлении развития личностных качеств, обеспечивающих возмож-

ность успешного существования и развития группы как единицы общества.

История человечества показывает нам, что, несмотря на существование самых противоречивых идеологий, которые возникали на протяжении тысячелетий, *общество всегда нуждалось в деятельной, самостоятельной и активной личности.* Отдельная личность должна гармонически взаимодействовать с обществом. Так было во все века, и это обстоятельство обусловило формирование определенного механизма в генезисе развития человека.

Личность нуждается в гармоническом взаимодействии с обществом.

Идентификация и обособление находятся по отношению друг к другу в диалектическом единстве

Идентификация и обособление составляют взаимодействующую пару противоположных механизмов, которые находятся по отношению друг к другу в диалектическом единстве.

Идентификация и обособление — два равноценно значимых и одновременно диалектически противоречивых и противоположных элемента пары единого механизма, развивающего личность и делающего ее психологически свободной.

В паре нет качеств под знаком плюс и нет качеств под знаком минус. Именно здесь происходит единство и борьба противоположностей, именно здесь эти противоположности равноценно значимы.

Я рано увидела идентификацию и обособление в сообществах высших животных

Моя личная предыстория понимания единства идентификации и обособления началась с наблюдения высших и низших обезьян в их взаимодействии друг с другом (внутри одного вида), а также с наблюдения за тем, как эти человекообразные взаимодействуют с человеком. Об этом я уже писала в начале второго раздела.

Обезьяны — существа нервические. Я не только наблюдала их в вольерах, где они имели возможность проявлять себя свободно в близких к природным условиям (прежде всего павианы в Сухумском питомнике), но и, по инфантильному состоянию духа школьницы, а потом студентки биофака, вступала с ними в естественные для меня (отнюдь не для них) отношения, даря им сладости, играя с ними, а порой и настаивая на своем. Внешние выражения наших взаимных идентификаций и отчуждений позволяли нам сотрудничать друг с другом как сторонам, имеющим друг к другу истинный интерес. Конечно, при этом я соблюдала многие правила, содействующие общению с приматами: не смотрела с наглым упорством прямо в обезьяньи глаза, голосом и позами выражала лояльность, и все-таки — это, очевид-

но, было главное — я любила моих обезьян и отождествляла себя с ними, когда была рядом.

Общаясь с этими животными, не зная еще названия тому, что наблюдаю, чувствую и переживаю, я видела, как эти создания идентифицируются друг с другом и со мной в играх, в удовлетворении любопытства по поводу новизны в какой-либо ситуации.

Они подражали друг другу и мне — человеку. А что такое подражание, если не идентификация? Они подражали действиям и результатам действия. Они подражали эмоциональным состояниям друг друга. И даже, как я это чувствовала, — моим.

Общаясь с приматами, я видела также, как эти создания выразительно отчуждаются друг от друга и от меня — человека, когда ситуация в целом или упорный взгляд, резкое движение другого оценивались как агрессивные или просто почему-либо не нравились в ситуации «здесь» и «теперь».

Я «знала» о существовании идентификации и обособления из моего эмпирического опыта взаимодействия с животными

Эмоционально, по опыту моего общения с разными животными (с приматами особенно) и с человеком, я «знала всегда» о существовании идентификации и обособления. Вначале это было мое личное эмпирическое, находящееся за пределами науки знание. Это было знание, обретенное через особенную мою сензитивность к подобному рода проявлениям, обретенное через обстоятельства моей биографии. Я была выпестована как натуралист прекрасным ученым Надеждой Николаевной Ладыгиной-Котс, благодаря которой я получила не только уроки *наблюдения* как особой профессиональной деятельности, но и доступ ко всем питомникам, зоопаркам и лабораториям, где содержались приматы. Слова «идентификация» (в значении отождествление и «обезьянничество») и «отчуждение» (в значении агрессивного отторжения) входили в мой, еще детский, словарь быденной речи.

Много позже я доросла до научного понимания идентификации и обособления как механизмов развития и бытия личности

Много позже, за объяснимым для меня и вполне понимаемым мной происходящим, я вдруг доросла до того, что увидела серьезную проблему идентификации-обособления как механизма развития и бытия человека.

Личность нуждается в гармоническом взаимодействии с обществом.

Идентификация и обособление составляют взаимодействующую пару противоположных механизмов, которые находятся по отношению друг к другу в диалектическом единстве.

Идентификация и обособление — два равноценно значимых и одновременно диалектически противоречи-

вых и противоположных элемента пары единого механизма, развивающего личность и делающего ее психологически свободной.

В паре нет качеств под знаком плюс и нет качеств под знаком минус. Именно здесь происходит единство и борьба противоположностей, именно здесь эти противоположности равноценно значимы.

2 – Идентификация-обособление – единый механизм

Идентификация и обособление делают личность психологически свободной

Идентификация и обособление — единый механизм, развивающий личность и делающий ее психологически свободной. Этот же механизм обеспечивает возможность успешного существования личности в группе и одновременно жизнеспособность группы.

О позитивном взаимодействии идентификации и отчуждения в поведении человека писал А. Маслоу в связи с самоактуализацией человека: «...самоактуализированные люди даже в любви способны оставаться отчужденными, сохраняют свою индивидуальность и личностную автономность, что может показаться парадоксальным, так как индивидуализм и отчужденность, на первый взгляд, абсолютно несовместимы с той обособленного рода любовной идентификацией, которую мы обнаружили у самоактуализированных индивидуумов. Но это — лишь кажущийся парадокс. Я уже говорил о том, что отчужденность здорового человека может гармонично сочетаться с его абсолютной, полной идентификацией с предметом своей любви» [61]. А. Маслоу выражал понимание того, что здоровая идентификация поддерживается здоровой отчужденностью самоактуализированного человека: «...для самоактуализированного человека... две тенденции — тенденция к самотрансценденции и тенденция к укреплению индивидуальности — несколько не противоречат друг другу, напротив, они дополняют и подкрепляют друг друга. Самотрансценденция возможна только при условии сильной, здоровой самоидентичности» [62].

А. Маслоу, выразив свое понимание взаимодействия идентификации и обособления в контексте поведения самоактуализированного человека, не стал рассматривать далее эти феномены в рамках обсуждения проблемы мотивации личности.

Общая направленность социального развития такова, что в индивидуальном генезисе первоначально возникает готовность к идентификации с другим человеком. Обособление начинает проявляться в социальной

Производные идентификации и обособления получают свое развитие

Идентификация и обособление социально детерминированы

В. Маяковский
о бое быков

ситуации, требующей от индивида отделения от других, отстаивания своего «Я». Так возникает механизм, регулирующий поведение личности в обществе: идентификация и обособление.

Производные от основной пары (конформность — самостоятельность, сопереживание — зависть и др.) получают свое развитие в специфических социальных ситуациях: из ситуативно возникающего поведения в определенных условиях складываются свойства личности.

В структуре личности превалирующий член пары определяет личностные качества. В крайнем выражении каждый член пары асоциален.

Развитие личностных качеств, исходящих от идентификации и от обособления, обусловлено *врожденными предпосылками, социальными условиями* (взаимоотношения с родителями, с окружающими взрослыми и сверстниками, содержание деятельности) и *внутренней позицией самого индивида*.

На одну и ту же ситуацию люди разных культур и традиций могут реагировать по-разному: одни испытывают восторг и отождествляют свои эмоции с героем ситуации, другие ужасаются, отчуждаются и проклинают.

В. В. Маяковский писал о своих впечатлениях о бое быков в Мексике: «В назначенный час тысячи экипажей со светскими дамами, катящими с ручными обезьянками в своих “ройльсах”, и десятки тысяч пешеходов прут к стальному зданию. Цены на билеты, раскупленные барышниками, вздуты вдвое. Цирк открытый».

Далее В. В. Маяковский описывает начало действия, при этом выражая свое негативное отношение к происходящему: «Сначала пышный, переливающийся блесками парад. И уже начинает бесноваться аудитория, бросая котелки, пиджаки, кошельки и перчатки любимцам на арену. Красиво и спокойно, сравнительно, проходит пролог, когда тореадор играет с быком красной тряпкой. Но уже с бандерильеров, когда быку в шею втыкают первые копыя, когда пикадоры обрывают быкам бока, и бык становится постепенно красным, когда его взбешенные рога врезаются в лошажьих животы, и лошади пикадоров секунду носят с вывалившимися кишками, — тогда злоеющая радость аудитории доходит до кипения. Я видел человека, который спрыгнул со своего места, выхватил тряпку тореодора и стал взвивать ее перед бычьим носом.

Я испытал высшую радость: бык сумел воткнуть рог между человеческими ребрами, мстя за товарищей-быков.

Человека вынесли. <...>

Я не мог и не хотел видеть, как вынесли шпагу главному убийце и он втыкал ее в бычье сердце. Только по бешеному грохоту толпы я понял, что дело сделано. Внизу уже ждали тушу с ножами сдиратели шкур. Единственное, о чем я жалел, это о том, что нельзя установить на бычьих рогах пулеметов и нельзя их выдрессировать стрелять» [63]. Человек эмоциональный, человек иной культуры В. В. Маяковский испытал «высшую радость», когда бык воткнул рог между человеческими ребрами. Отчуждение возмущенного В.В. Маяковского в отношении к людям на арене и зрителям было столь велико, что он абсолютно идентифицировал себя с животным и был абсолютно отчужден от раненного, возможно смертельно раненного, азартного и глупого невооруженного человека.

Помимо традиционных условий, которые воспитывают человека в отношении чувств, связанных с идентификацией и отчуждением, есть и другие факторы.

Врожденные особенности, стиль жизни и внутренняя позиция (отношение к себе, к своему долгу) делают человека более идентифицирующимся, более обособляющимся или безучастным.

В обыденной жизни идентификация и обособление — постоянно действующий механизм, который регулирует действия, поступки, потребности и состояния человека. Идентификация-обособление предоставляет возможности для следующих вариантов позиций и эмоций человека.

Во-первых, сензитивный индивид может легко заражаться состоянием другого человека, идентифицироваться с другим. Он как бы начинает смотреть на мир глазами другого. В то же время сензитивный индивид может легко обособляться или даже стать отчужденным от другого, если проявления другого являются для него неприемлемыми. Идентификация и обособление при этом сопровождаются эмоциями (позитивными или негативными).

Во-вторых, индивид может в одной и той же ситуации с кем-то идентифицироваться, а от кого-то обособляться и даже отчуждаться. Причем происходить это может как на бессознательном, так и на сознательном уровне. Когда выбор для человека не однозначен, возможно обострение тревожности.

В-третьих, у индивида может возникнуть потребность в идентификации с кем-то в ситуации, когда социальный аппарат требует от него отчуждения. В этом случае не только обстоятельства определяют, как следу-

На идентификацию и обособление влияют условия жизни и внутренняя позиция

Идентификация и обособление — постоянно действующий механизм

Сензитивный индивид легко идентифицируется и отчуждается

Индивид может в одной и той же ситуации с кем-то идентифицироваться, а от кого-то обособляться

Индивид подчас мечется между идентификацией и отчуждением

ет поступить, но и сам он берет на себя ответственность за выбор линии поведения. Поступая в соответствии с тем, как «надо», он тревожен, но и поступая так, как ему подсказывают эмоции, он также тревожен.

В сплоченной социокультурной группе ее члены эмоционально идентифицированы, в сфере ценностных ориентаций наблюдается единство; совместная деятельность соединяет членов группы в чистой «радости общения» и в радости совместной деятельности. В привычной, обыденной ситуации идентификация и обособление могут протекать на бессознательном уровне и не тревожить взаимодействующих людей. Но стоит человеку увидеть в ситуации проблему (личную или общественную), как мгновенно пробуждается готовность к идентификации-обособлению. И то, как будут протекать эти процессы, функции, состояния, может зависеть, как всегда, от трех факторов: врожденных особенностей человека; условий, в которых он находится; его общей культуры и внутренней личностной позиции.

Идентификация и обособление имеют сложную обусловленность

Акцентировка членов пары идентификация-обособление имеет сложную обусловленность. Этим объясняется то, что индивид может развиваться в трех направлениях:

1 — в направлении постоянной, гиперболизированной, ярко выраженной готовности к идентификации с другим человеком, живым существом, предметом, явлением (здесь речь может идти о сгущении идентификации как крайнем проявлении отождествления);

2 — в направлении постоянной, гиперболизированной, ярко выраженной готовности к отчуждению от другого человека, живого существа, предмета, явления (здесь речь может идти о сгущении отчуждения как крайнем проявлении обособления);

3 — в направлении гармонического взаимодействия пары идентификация-обособление в соответствии с внутренними потребностями личности и социальной необходимостью.

Сама природа человека двойственна

Развитие личности через механизм идентификации-обособления — сложный противоречивый процесс.

Сама природа человека двойственна. Это проявляется во взаимодействии людей друг с другом и с окружающим миром. Мы «подобим» все вокруг себя: мы идентифицируемся с животным, растением, игрушкой, предметом и взаимодействуем с ними по антропоморфной модели. Но мы же, отчуждаясь в силу объективных требований бытия или по страсти, убиваем животное,

срываем растение, перестаем одухотворять игрушку или предмет и «забываем» об их одухотворенном нами существовании.

Идентификация-обособление для каждого человека имеют разное значение, разное содержание переживания в зависимости от воспитания, от нашего эмоционального состояния, а также от того, с кем строятся отношения. С близкими людьми мы идентифицируемся иначе, чем с чужими, и обособляемся, отчуждаемся от своих иначе, чем от чужих.

Мы владеем расхожим знанием о том, что любовь — всегда идентификация, ненависть — всегда отчуждение.

Любовь — всегда
идентификация.
Ненависть —
всегда отчуждение

Любовь — всегда идентификация в высшей степени. Ненависть — всегда отчуждение в высшей степени. Но человек обычно не живет в этих крайних состояниях. Ни один барометр не измерит человеческих идентификаций и обособлений. В разные моменты жизни мы то «теплее», то «холоднее». Это постоянно действующий механизм, работающий на бессознательном и сознательном уровнях.

Идентификация-обособление может действовать как в зависимости от социальных ожиданий, так и вопреки им. В одних случаях этот механизм поднимает человека до звенящих высот человечности, в других — опускает до самых темных глубин человеческой низости.

В то же время зрелый любящий самодостаточный человек вполне отчужден от возможного поглощения своей личности другим человеком.

Идентификация
и обособление —
единный механизм

Идентификация-обособление понимаются мною как единый механизм, изначальное предназначение которого — регуляция взаимодействий социальных животных и человека.

На уровне человека, его развития как социально-исторического субъекта механизм идентификации-обособления развивался и совершенствовался в столь тонко реагирующую, на бессознательном и сознательном уровне, функцию, что стал нести в себе бесконечный по своему потенциалу диапазон идентифицирующих и отчуждающих человека чувств, а вслед за ними — действий, поступков и форм поведения. Идентификация-обособление содействуют бытию человека во всех созданных им в своей истории реалиях.

Благодаря механизму идентификации-обособления человек взаимодействует с предметным миром, природой, знаковыми системами и идеями и всем социальным пространством. Через способность к идентификации человек *соприкасается* со Вселенной и образами

Личность рождается дважды

своих фантазий и *отторгает* их от себя по своим чувствам или по своему разумению.

В моем понимании личность рождается дважды.

Первое рождение личности обусловлено присвоением структурных звеньев самосознания, как уже об этом говорилось ранее, свойственных любому социализированному человеческому индивиду в любой человеческой культуре независимо от уровня развития производственных отношений (сказанное относится к самой структуре, но не к содержанию, ее наполняющему). Присвоение структурных звеньев самосознания осуществляется через механизм идентификации. Способность к обособлению удерживает в сфере самосознания ценностные ориентации на все звенья самосознания. В онтогенезе происходит идентификация с именем, со специальными образцами, развивающими притязания на признание, с полом, с образом «Я» в прошлом, настоящем и будущем, наконец, с теми общественными ценностями, которые обеспечивают бытие личности в социальном пространстве и дают ей возможность присвоить общественные нормативы прав и обязанностей. Присвоенные структурные звенья самосознания и их содержательные наполнения, соответствующие социально-историческим условиям, закрепляются в сознании и чувствах человека благодаря его способности к идентификации. Способность к обособлению удерживает ценностные ориентации на все звенья самосознания.

Второе рождение личности связано с формированием мировоззрения, с построением связной системы индивидуальных личностных смыслов. Активная воля, организованная мировоззрением в социальном проявлении индивида, оценивается как самостоятельность. Здесь механизм идентификации действует на эмоциональном и когнитивном уровнях. Развитая личность ориентируется на идеологию, мировоззрение и прогнозирует себя в будущее, формируя идеальный образ своей жизненной позиции, эмоционально и рационально идентифицируется с ним и стремится соответствовать этому образу. Обособление укрепляет сложившиеся позиции, удерживает чувство личности и формирует способность к самостоянию.

(Продолжение следует)

1. *Ладыгина-Котс Н. Н.* Дитя шимпанзе и дитя человека. М., 1935. С. 313.

2. Там же. С. 315.

3. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. 2-е изд., доп. и исправл. М., 1979. С. 184.
4. Там же.
5. *Сартр Ж.-П.* Слова. М., 1966. С. 102.
6. Там же. С. 171–172.
7. *Гегель Г.В.Ф.* Философия духа. Энциклопедия философских наук: В 3 т. Т. 3. М., 1977. С. 164.
8. *Гегель Г.В.Ф.* Соч. Т. 7. — М.-Л., 1934. — С. 211.
9. *Гегель Г.В.Ф.* Философия духа. Энциклопедия философских наук: В 3 т. Т. 3. М., 1977. С. 175.
10. Там же. С. 200.
11. Там же. С. 205.
12. Там же. С. 252.
13. Там же. С. 224.
14. Там же. С. 164.
15. *Маркс К.* Теория прибавочной стоимости (IV гл. «Капитала») // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 26. Ч. 3. С. 268.
16. Там же. С. 507.
17. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 207.
18. Там же.
19. *Камю А.* Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990. С. 134.
20. Там же. С. 166.
21. Там же. С. 278.
22. Там же. С. 274.
23. *Ницше Ф.* Эссе Номо. Как становятся сами собою // Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 694.
24. Там же. С. 706.
25. Там же. С. 700.
26. *Ницше Ф.* Стихотворения. Философская проза. СПб., 1993. С. 84.
27. *Бердяев Н.А.* Опыт эсхатологической метафизики. Париж, 1949. С. 63; *Бердяев Н.А.* Русская идея. Харьков, 2002. С. 572–585.
28. *Бердяев Н. А.* Русская идея. Харьков, 2002. С. 572.
29. Там же. С. 573
30. Там же.
31. Там же.
32. Там же. С. 574.
33. Там же. С. 583.
34. Там же. С. 584.
35. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., 2004.
36. Там же. С. 602–616.

37. *Сартр Ж.-П.* Тошнота // Сартр Ж.-П. Стена. Избр. произв. М., 1992. С. 136–137.
38. *Бердяев Н.А.* Русская идея. Харьков, 2002. С. 594.
39. *Фрейд З.* Психоанализ детских неврозов. М.; Л., 1925. С. 192.
40. *Хорни К.* Невроз и развитие личности // Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. Наши внутренние конфликты; Невроз и развитие личности. М., 1997. С. 453–454.
41. Там же. С. 412.
42. Там же.
43. Там же. С. 418.
44. Там же. С. 419.
45. Там же.
46. *Лакан Ж.* Четыре основные понятия психоанализа (Семинары: Книга XI (1964)). М., 2004. С. 217.
47. Там же. С. 224.
48. Там же. С. 226.
49. Там же.
50. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
51. Там же. С. 152.
52. Там же. С. 142.
53. Там же. С. 147.
54. Там же.
55. *Harris T.* I'm OK – you're OK. N.-Y., 1973. P. 49.
56. *Freud S.* Ausedhlte Schriften. I Band. L., 1969. P. 187–234.
57. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997.
58. *Ницше Ф.* Соч.: Т. 9. М., 1910. С. 137.
59. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 142.
60. Там же. С. 149.
61. *Маслоу А. Г.* Мотивация и личность. СПб., 2001. С. 280.
62. Там же. С. 281.
63. *Маяковский В. В.* Мое открытие Америки // Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 666–667.

